

Школьное насилие: буллинг и хейзинг

Книги педагогам / Мальчик – отец мужчины / Мальчики в школе /
Школьное насилие: буллинг и хейзинг

Страница 1

Я бреду из школы по спокойному переулку, меня нагоняют ражие и зычные старшеклассники. Один уже заносит руку меня ударить. Другой говорит: «Не тронь, я его знаю, он хороший парень, вот я ему скажу, и он у меня наземь сядет, – а ну, сядь!» Я подсовываю под себя в грязь облупленный портфель и сажусь на него, думая только об одном: как бы он не сказал: «Чего жульничаешь? Не на портфель, а на тротуар!» А на тротуаре липкая черная слякоть. Но нет, сегодня он не злой, и парни, хохоча, проходят мимо.

Михаил Гаспаров

Из эволюционной биологии, этологии и антропологии мы знаем, что мужчины унаследовали от животных предков, с одной стороны, повышенную агрессивность, а с другой – склонность к формированию закрытых для женщин и для посторонних мужчин групп, союзов и сообществ (мужская гомосоциальность или *malebonding*). Все мужские сообщества организованы иерархически, на основе господства и подчинения, статус в них достигается путем индивидуального соперничества, один на один, и путем образования соперничающих друг с другом союзов и коалиций.

В детском сообществе, включая школу и школьный класс, за социально-возрастными коалициями закреплены определенные социальные привилегии, дающие старшим относительно «законное» право распоряжаться младшими, причем принадлежность к господствующей группе символически ассоциируется с приписываемой ей повышенной маскулинностью: «настоящие мальчики» контролируют и подчиняют себе недостаточно зрелых, слабых и «неполноценных». В архаических обществах переход из младшей группы в старшую оформляется специальными обрядами, в ходе которых мальчик должен перенести мучительные и унижительные испытания, только это позволяет ему стать «настоящим мужчиной». Мальчик, который этих экстремальных испытаний не выдержит, мужского статуса не приобретает.

Более или менее узаконенное и институционализированное индивидуально-групповое насилие существует, как мы видели, и в школе. Его самые распространенные формы, которым посвящена огромная, но практически неизвестная в России научная литература, – буллинг и хейзинг.

Английское слово буллинг давно уже стало из обыденного социально-психологическим и педагогическим термином. Исследователи обычно

определяют буллинг (это слово можно перевести как «травля») как повторяющееся враждебное поведение, имеющее целью причинить ущерб кому-то физически или психологически более слабому. Различают прямой, открытый (например, нападение), и опосредованный (например, исключение из общения) буллинг, а также целенаправленный, сознательный, буллинг и реактивный буллинг, мотивированный чувством гнева.

Мотивационные и реляционные (связанные с отношениями) аспекты буллинга очень разнообразны. Хотя, как заметил один исследователь, только булли могут знать свои мотивы и только их жертвы могут оценить степень причиненного им вреда, психологи изучают это явление в самых разных контекстах. Что мы об этом знаем?

Буллинг широко распространен во всем мире, а его «эпидемиология» весьма разнообразна (Adeleke et al, 2008; McEachern et al., 2005; Carlyle, Steinman, 2007).

В школах США насчитывается около 2,1 млн. булли и 2,7 млн. их жертв. Согласно одному национальному опросу, с буллингом сталкивались около 30 % школьников 8-10-х классов. По другим данным, жертвой травли становится каждый четвертый подросток, а каждый пятый считает булли себя. Буллинг значительно больше распространен среди младших, чем среди старших подростков. С возрастом мальчики реже травят других и сами реже становятся жертвами травли. Те же тенденции существуют в других странах. В Австралии каждый шестой школьник от 9 до 17 лет подвергается травле по крайней мере раз в неделю. Опрос 2 923 японских школьников 7-9-х классов выдвинул на первый план такие факторы буллинга, как влияние девиантных сверстников и слабый самоконтроль над собственной агрессивностью и импульсивностью, а на противоположном полюсе – недостаток напористости и неумение сопротивляться нажиму (Ando et al., 2005).

Сравнительное обследование 14-15-летних российских (г. Волгоград) и немецких школьников выявило сходную картину. Страх стать жертвой насилия в школе у юных волгоградцев, как и у их немецких ровесников, стоит на третьем месте в ряду других социальных опасений, но у волгоградцев он сильнее: этого «очень» боятся 7,7 % и «изрядно» – 14,6 % волгоградцев, по сравнению с 6,2 % и 9,2 % немцев. Как и в Германии, жертвами физического насилия чаще бывают мальчики, но в России акты насилия происходят чаще, притом именно в школе: 13,5 % волгоградских подростков подтвердили, что более одного или двух раз сталкивались с насилием в школе; в Ганновере так ответили 10,4, в Лейпциге – 8,7 %. При этом российские подростки значительно больше немецких (разница в 10 %) боятся подвергнуться сексуальному насилию (Думов, 2005). Буллинг имеет место и в начальной школе. Опрос 2 377 английских детей от 6 до 8 лет и 1 538 немецких восьмилеток показал значительные различия в степени

виктимизации: в Англии жертвами травли становится втрое больше детей, чем в Германии (24 % против 8), зато число булли среди английских мальчиков вдвое или втрое меньше, чем среди маленьких немцев (у девочек такой разницы нет). Типы буллинга в обеих странах одинаковы: его жертвами, как и инициаторами, чаще всего являются мальчики, происходит он обычно на игровых площадках или в классах, социально-экономические и этнические различия невелики (Schulz et al., 2001).

Примеры буллинга из практики Санкт-Петербургского центра социальной помощи семьям и детям (Бердышев, Нечаева, 2005):

Десятилетнего мальчика в течение нескольких месяцев соученики-пятиклассники травили исключительно психологическими способами: высмеивали при неудачных ответах, дразнили при проявлении легкого заикания, объявляли ему бойкот и т. д. Затем после уроков группа мальчиков в присутствии остальных одноклассников совершила над ним насилие, стащив с него штаны и нижнее белье. Ребенок в шоковом состоянии убежал из школы и был с трудом задержан на оживленном перекрестке случайно оказавшейся там матерью. Мальчик находился в двух метрах от проезжавшего с большой скоростью автобуса. Его состояние мать описывала как «амок», или «зомби». Через три недели у ребенка выявились классические симптомы посттравматического стрессового расстройства.

«Не могу дождаться окончания школы. Одноклассники грубы, бесцеремонны и жестоки».

«В моем классе учится мальчик, который подвергается травле одноклассников уже в течение нескольких лет, но я, как классный руководитель, ничего не могу с этим поделать».

«Ребенка страшно отпускать в школу. Каждый день он приходит то в порванной одежде, то в грязи с головы до ног. Учиться стал плохо, в школу ходить не хочет».

Четырнадцатилетний Денис учится в кадетском классе, поступить туда было его мечтой, поскольку с детства собирался продолжить семейную династию – стать офицером. С удовольствием изучает иностранные языки, неплохо играет на фортепьяно, осваивает классическую гитару и флейту, на ты с компьютером. Один из лучших учеников в классе. Несмотря на успешную учебу, у Дениса не складываются отношения с одноклассниками. Невысокого роста, хрупкого телосложения, уже несколько лет он подвергается травле со стороны группы физически более развитых парней, которые верховодят в классе.

У Дениса немало друзей вне школы, но среди одноклассников их у него нет, ждать поддержки не от кого. Часть ребят из класса сочувствовали ему, но открыто проявить солидарность не решались. Заботливая мама Дениса, тщательно отслеживающая его успеваемость, регулярно посещала школу, беседовала с учителями, но даже не подозревала о трудностях сына. Родители снисходительно относились к синякам, ссадинам, рваным штанам – парень растет. Денис же стыдился рассказать им о своих проблемах, считал невозможным признаться в собственной слабости.

Буллинг во всех возрастах значительно чаще распространен среди мальчиков, это «нормальный» аспект мальчишеской культуры. Мальчики в два-три раза чаще девочек травят других, и они же – главные жертвы буллинга. Травля мальчиками девочек, девочками мальчиков и девочками девочек встречается значительно реже. Возможно, это связано с тем, что девочки (далеко не все!) умеют лучше контролировать свою агрессивность и находят другие способы разрешения конфликтов.

Очень часто буллинг – парное отношение, за которым стоит не только и не столько неравенство физических сил, сколько дисбаланс власти, позволяющий одному ребенку подчинить себе другого, причем это повторяется более или менее регулярно в течение продолжительного времени.

В результате складываются стабильные парные отношения, в которых буллинг на одном полюсе дополняется виктимизацией на другом (Veenstra, Lindenberg, Bonne et al., 2007).

Это не только гендерно-возрастной, но и личностный феномен. Хотя от начальной школы к средней травля ослабевает, у некоторых детей с возрастом меняются лишь формы ее проявления. Постоянные буллы и постоянные жертвы имеют и/или формируют качественно различные психические и социальные свойства.

Большинство буллы – популярные, часто спортивные мальчики, обладающие хорошими социальными навыками, способностью привлекать к себе внимание и манипулировать другими, но высокий статус у сверстников действует на них подобно наркотику, и они часто им злоупотребляют. Нередко, но не обязательно, такое поведение компенсаторно и связано с семейными и социальными трудностями (Bosworth, Espelage, Simon, 2001). В отличие от психоанализа, объясняющего подобные действия эмоциями, «вымещением агрессии» и т. п., социальная психология выдвигает на первый план проблемы социального неравенства. Неодинаковое положение в школьной иерархии побуждает выходцев из низов бороться за увеличение своего «культурного капитала» (термин Пьера Бурдьё), тем самым повышая свой социальный статус. Дети из социально благополучной среды

ассоциируют свой «культурный капитал» преимущественно с учебными достижениями, для бедных мальчиков этот путь недостижим, их начальная материально-образовательная база слишком слаба, или неприемлем, потому что в их семьях господствуют ценности, далекие от задач школьного образования. Свою «мужественность» такие мальчики доказывают не хорошими отметками, а победным счетом в драках, спортивными достижениями, агрессивным дистанцированием от «женственности» и «гомосексуальности», умением устанавливать и поддерживать доминантные отношения с девочками, грубостью с ними, хвастовством своими сексуальными успехами и т. п. За личными свойствами скрывается социальное происхождение, а самоутверждение осуществляется путем насилия (Klein, 2006).

Успешные драки дают социально маргинализованному мальчику чувство превосходства и уверенность в своей маскулинности, которых он не получает в других сферах жизни. Но это достигается дорогой ценой. Драки осложняют отношения мальчика с учителями и школьной администрацией, что отрицательно сказывается как на его оценках, так и на его отношении к школе, от которого зависят его дальнейшие успехи. А поскольку за всем этим стоят также социально-классовые различия, получается, что классовая принадлежность в известной степени производит «маскулинность», и наоборот. Классовые и гендерные привилегии можно рассматривать как две отдельные, но взаимосвязанные системы господства, которые еще больше усложняются различными местными, региональными и глобальными практиками (Morris, 2008). Школьные драки связаны с уровнем семейного дохода: чем богаче семья, тем менее вероятно, что принадлежащий к ней мальчик будет вовлечен в драку. Та же закономерность существует и среди взрослых: мужчины из высших классов реже прибегают к физическому насилию, считая грубость недостатком низших слоев общества (Руке, 1996).

Буллинг во многом зависит от структуры и степени оформленности детского коллектива. По наблюдениям американских психологов, у 10-12-летних мальчиков буллинг сильнее всего выражен в начале учебного года, когда мальчики энергично борются за место в групповой иерархии; позже, когда иерархия оформлена и каждый знает свое место, буллинг ослабевает (Pellegrini, Bartini, 2001).

Травлю может ослабить вмешательство учителя, но зачастую учителя ее не замечают, а иногда даже принимают сторону мучителей.

Существует несколько разных классификаций буллии. Агрессивный буллии травит не только слабых, но всех. Такие мальчики жестоки, отличаются пониженным самоконтролем, но, вопреки психоанализу, высоким самоуважением.

Это самая многочисленная категория булли. Поведение тревожных булли компенсаторно. Подобно своим жертвам, они отличаются низким самоуважением, неуверенностью в себе, одиночеством, эмоциональной неустойчивостью, их поведение провокативно, и часто они сами становятся жертвами буллинга. Наконец, пассивный булли задирает других в порядке самозащиты и для приобретения статуса, его поведение в значительной мере зависит от ситуации. Хотя своим жертвам булли кажется сильным и могучим, от 30 до 40 % булли обнаруживают склонность к депрессии, нередко их буллинг – крик о помощи (Bosworth, Espelage, Simon, 2001).

Иногда, чтобы избавиться от травли, достаточно сменить класс или школу. Вот что говорит один московский студент: «Потом я сменил школу на лицей. Перешел в 10-й класс. Новый коллектив, новое начало. И я понравился. Со своим чувством юмора и нестандартной точкой зрения. Не скажу, что я стал в центре внимания, нет, сплоченные компании были и до меня. Но я стал частью коллектива, который меня любил» (Вишневская, Бутовская, 2008). Но такая возможность есть не у всех.

Последствия буллинга чрезвычайно серьезны. Исследование 1655 южнокорейских семи-восьмиклассников показало, что он статистически значимо повышает риск самоубийства (Kim et al., 2009). Буллинг не только осложняет жизнь мальчика, но и имеет долгосрочные психологические последствия. В Финляндии 2 540 мальчиков обследовались в 8 лет и в 18–23 года (во время призыва в армию). У 28 % мальчиков, которые в начальной школе часто имели опыт буллинга и/или виктимизации, 10–15 лет спустя обнаружились психиатрические проблемы, причем разные: у мальчиков, которые были исключительно мучителями, проявились черты антисоциальной личности, наркозависимости, депрессивности и тревожности. Те, кто подвергался только виктимизации, оказались наиболее тревожными. А чередование ролей булли и жертвы коррелирует с антисоциальным типом личности и тревожностью (Sourander et al., 2007). Когда булли травит другого агрессивного мальчика, между ними иногда складывается своеобразное, основанное на взаимной агрессии, партнерство: хотя мальчики постоянно задирают друг друга, это не мешает им быть друзьями. Однако чаще жертвами травли становятся тревожные, социально незащищенные, молчаливые и сдержанные дети. Хронические жертвы буллинга физически слабее и чувствительнее других мальчиков, они более тревожны, одиноки и склонны к депрессии. Это делает их легкой добычей агрессивных сверстников или старших, а зависимый статус, в свою очередь, понижает их самоуважение и усиливает депрессию. Более ранимые мальчики обречены быть жертвами, потому что булли знают, что те не могут за себя постоять. Булли и их жертвы в известном смысле дополняют друг друга и даже испытывают взаимную симпатию.

Связь буллинга и виктимизации объясняют по-разному. Одна теория апеллирует к индивидуальным свойствам пары. Социально изолированные, выключенные из коллективных связей дети становятся жертвами, потому что не могут адекватно ответить на провокации, без которых не обходится никакое детское, особенно мальчишеское, сообщество. Напротив, агрессивный ребенок виктимизируется потому, что его поведение раздражает и провоцирует встречную агрессию со стороны других («провокативная жертва»). То есть механизмы виктимизации у разных типов детей неодинаковы.

Другая теория фиксирует главное внимание не на индивидуальных свойствах ребенка, а на его положении в группе. Как правило, дети не любят и виктимизируют тех сверстников, которые не способствуют реализации основных групповых целей – достижению единства, гармонии и развития группы. Более агрессивные или просто отчужденные, например из-за более ярко выраженной индивидуальности, дети оказываются одинаково уязвимыми, и за это их наказывают.

За буллингом часто стоят такие социально-экономические факторы, как имущественное, социальное и этническое неравенство. Более богатые и лучше одетые мальчики из состоятельных семей часто позволяют себе пренебрежительно третировать выходцев из низов. В московских школах травле нередко подвергались мигранты. Мальчики из бедных и неблагополучных семей вымещают свои фрустрации, физически подчиняя себе благополучных сверстников и заставляя их испытывать чувство неполноценности по сравнению с более сильными и мужественными (то есть неуправляемыми и агрессивными) выходцами из низов. В результате создается своеобразный симбиоз, обмен физического покровительства и защиты на помощь в учебе и приобщение к каким-то культурным благам, причем оба участника одновременно презирают и любят друг друга. Это старый и довольно распространенный тип мальчишеской дружбы.

Конкретные формы и способы буллинга постоянно меняются. Новейшее «достижение» в этой области – так называемый кибербуллинг, то есть буллинг, осуществляемый с помощью электронных средств коммуникации (Hinduja, Patchin, 2008). Свыше половины опрошенных канадских подростков сказали, что им известны такие случаи, почти половина «кибербуллей» развлекались таким образом неоднократно, большинство жертв и очевидцев взрослым не жалуются. Как и среди обычных булли, среди кибербулли преобладают мальчики, но девочки делают это более изощренно.

По части жестокости девочки вообще не уступают мальчикам. В замечательном фильме Ролана Быкова «Чучело» инициаторами травли одноклассницы были именно девочки. Но раньше такое поведение не

вписывалось в положительный имидж женственности, а теперь, в связи ослаблением гендерной поляризации, оно проявляется все более открыто. Жертвами женской травли на почве соперничества и ревности чаще становятся другие девочки, но нередко и юноши. Жуткие истории умышленного доведения жертв до самоубийства, пыток и групповых убийств нередко демонстрируются на российском ТВ.

Новый и очень важный психологический сюжет – буллинг одаренных детей (Peterson, Ray, 2006; Ray, Peterson, 2006). Систематическое обследование большой группы одаренных американских восьмиклассников показало, что 67 % из них испытывали в последние 3 года те или иные формы травли.

Самым тяжелым, «пиковым» для них был шестой класс, когда почти половина – 46 % всех испытуемых пережили как минимум один из тринадцати видов травли (насмешки, обзывания, угрозы, толчки, удары, избиения и т. п.). Более или менее регулярной, повторяющейся травле подвергались 11 % испытуемых. Чаще всего это были оскорбительные прозвища и насмешки по поводу внешности. В 7-х и 8-х классах число мальчиков, ставших жертвами травли, уменьшилось (у девочек этого не произошло). Одаренные дети – не только жертвы травли, но и ее активные субъекты. Число подростков, признавшихся в том, что они травили или хотели бы травить других, выросло за три года соответственно на 16 и 29 %, причем пиком роста (на 12 %, а у мальчиков на 19 %) был все тот же 6-й класс. Мальчики подвергались травле в 10 раз чаще, чем девочки, но и чаще травили других. Доля тех, кто подвергался травле многократно (25 % одаренных детей в 5-х и 6-х классах испытали травлю свыше 10 раз), у мальчиков и девочек одинакова. Как одаренные дети переживают и осмысливают этот жизненный опыт? В результате подробных интервью на первый план вышли пять тем: 1) одаренность коррелирует с повышенной чувствительностью к травле; 2) одаренные жертвы считают, что травля вызывается внешними причинами, но принимают ответственность за разрешение таких ситуаций на себя; 3) одаренные дети тяжело переживают нефизические формы травли; 4) с возрастом их стратегии преодоления травли улучшаются, и со временем им удается залечить понесенный эмоциональный ущерб; 5) одаренные булли могут изменить свое поведение.

Хотя некоторые одаренные школьники указывали, что подвергались травле именно за свою одаренность, акцент обычно делается не на одаренности, а на непохожести, инаковости. «Они высмеивают все, что чем-то отличается. Одаренные отличаются от остальных». «Меня никогда не травили за то, что я способный. Обычно за то, что я не такой, как другие». Иногда внимание фиксировалось на недостаточном знании: «Мы учимся в разных классах, поэтому они нас почти не знают». Другой мальчик смотрит на дело социологически: «Если на тебя давит конкуренция – как в школе – ты

учишься использовать свои умения. Я воспринимаю мальчиков как стаю волков». Третий сказал о своих мучителях: «Эти мальчики просто хотели чем-то заняться, им было скучно, нечего делать, они делали это для развлечения». И добавил: «Я думаю, что их самих раньше дразнили». Одаренные дети считают долгосрочные последствия травли серьезными: «Иногда это полностью уничтожает человека», «это тебя наглухо закупоривает». Один сказал: «Это глубоко меня изменило». Другой признал, что буллинг способствовал его личному росту, а затем добавил ироническим тоном: «Как сказал о своем опыте один ветеран вьетнамской войны, этот опыт сделал меня лучше, но я никому не рекомендую такое лечение».

Травля серьезно мешает самореализации одаренных мальчиков. Тем не менее, большинство из них справляются с этими трудностями не хуже остальных.

Буллинг – повседневное, бытовое насилие, не имеющее ритуального смысла и осуществляемое один на один, хотя часто при активном участии группы. Качественно иной характер имеет групповое насилие, связанное с определенным социально-возрастным статусом, которое обозначается словом хейзинг. В большинстве словарей хейзинг определяют как форму дисциплинарной деятельности, осуществляемой путем силовой возни, розыгрышей и грубых шуток, часто с применением унижительных или болезненных испытаний.

Иногда различают физический (телесный) и психический (символический) хейзинг.

Культурно-исторически хейзинг – своеобразный современный эквивалент древних обрядов перехода и инициации, связанных с вступлением в закрытое мужское сообщество, будь то первобытный возрастной класс, студенческое братство или спортивная команда, а также принятых в молодежной среде отношений подшучивания (jokingrelationships). Хотя название это сравнительно недавнее, сам по себе феномен, сочетающий узаконенную форму группового насилия и способ установления внутригрупповой иерархии, очень стар. Он существует во многих школах-интернатах, спортивных обществах и военных организациях, о которых рассказывалось выше.

Старый школьный хейзинг органически сочетал в себе элементы насилия, игры и садомазохистской гомосексуальности. Поскольку соотношение этих мотивов бывает разным, некоторым участникам хейзинга он кажется сравнительно безобидной игрой. Но если вступление в группу не является делом свободного выбора или если ее лидером оказывается человек с садистскими наклонностями, игровые условно-ритуальные действия легко превращаются в самое настоящее групповое насилие.

В середине XIX в. хейзинг практиковали многие студенческие «братства» (fraternity), существовавшие в большинстве американских университетов. По мере того как об этих практиках, которые не только нарушали нормы приличия, но нередко сопровождались несчастными случаями и даже смертями, становилось известно обществу, с ними, как и с самими братствами, началась борьба, которая усилилась во второй половине и особенно в конце XX в. Во многих странах Западной Европы хейзинг законодательно запрещен, прежде всего в армии. В порядке борьбы с гендерной сегрегацией многие университеты США по собственному почину закрыли студенческие братства и запретили связанные с ними сомнительные обряды. В других учебных заведениях братства сохранили, но поставили под жесткий контроль администрации.

Тем не менее, хейзинг сохраняется как в криминальной среде, так и во многих вполне благополучных школах, колледжах и спортивных обществах, для вступления в которые новичкам приходится проходить униженный ритуал инициации. Их раздевают догола, сбывают волосы, подвергают порке, бьют, насилуют, подвергают насильственной мастурбации, заставляют трогать или целовать чужие гениталии, мажут жгучими кремами и т. п. Против хейзинга идет широкая международная кампания, в Интернете ему посвящено несколько сайтов, где приводятся сотни вопиющих фактов насилия и злоупотребления властью (<http://www.alfred.edu/hs%5Fhazing/>; <http://espn.go.com/otl/hazing/list.html>; <http://hazing.hanknuwer.com/hs2/html>; <http://www.menstuff.org/issues/byissue/hazing.html>). Вот несколько взятых буквально наугад примеров.

В школьном автобусе, в присутствии трех тренеров и водителя, которые никак не реагировали на происходящее, группа старших спортсменов в течение полутора часов издевалась над младшими членами команды, предоставив им на выбор: сосать ноги или соски или трогать пенисы старших мальчиков.

В 1999–2000 гг. команда хоккеистов Вермонтского университета заставила группу первокурсников публично прогуляться голышом, держа друг друга за половые органы (это называлось «слоновья прогулка»).

В средней школе в Лонг-Айленде двое старших футболистов спустили штаны с трех младших игроков и десять раз «содомизировали» их, засовывая им в задний проход смазанную жгучим гелем палку.

Шестнадцатилетнего школьника, которому отказали в приеме в спортивный клуб, заставили пить виски, дразнили, раздели, заставили прыгать голышом, мочились на него, а когда он согласился драться с уже имевшим криминальное прошлое 17-летним одноклассником, тот забил его до смерти.

В самой дорогой частной мужской школе Сиднея перед судом предстали четверо 15-16-летних старшеклассников, которые на глазах у остальных ребят систематически насильвовали двоих мальчиков четырнадцати и пятнадцати лет. Их привязывали к кровати и насильвовали с помощью деревянных дилдо, ручки от кастрюли и т. п. (одну такую палку называли «анакондой»). Школа всячески пыталась дело замять, представив его обычным хулиганством. Жертвы боялись жаловаться, чтобы одноклассники не считали их доносчиками. Один мальчик сказал про своих мучителей: «Они были царями моей социальной группы, я хотел ладить с ними». Кодекс молчания поддерживали и многие родители (Poyniting, Donaldson, 2005).

За частным случаем обнаруживаются глубинные противоречия социализации мальчиков. Если мужественность – это «крутизна», то насилие – естественное средство ее формирования, а школа – институт воспитания силы и выносливости: «Ты терпишь – значит, ты мужчина». В закрытых мужских школах так было всегда. Из опубликованных писем принца Уэльского Чарльза видно, что он чувствовал себя в школе, «как в тюрьме», но отец уговаривал его все сносить, и принц ретроспективно считает, что это в самом деле было ему «полезно», воспитало в нем «самодисциплину и чувство ответственности». Когда мальчики из закрытых школ позже становятся элитой престижных университетов, их связывает не только общее происхождение, но и групповая порука.

Точно такие же скандалы периодически происходят в российских военно-учебных заведениях и школах-интернатах, например в Петербургском нахимовском училище и Московском казачьем кадетском корпусе. И их точно так же категорически отрицают: «Сговорились и насочиняли небылиц. Того, чего написали в газетах и говорили по телевидению, у нас быть не может. Мы же – нахимовцы!»

Точной статистики хейзинга не существует. При опросе в 1999 г. большой группы американских атлетов 80 % из них признались, что подвергались каким-то формам хейзинга в колледже, а 42 % – в средней школе. Больше всего хейзинг распространен среди футболистов, борцов и пловцов.

Поскольку хейзинг связан с принятыми в данной группе или сообществе нормами, установить, имело ли место прямое, в том числе сексуальное, физическое насилие или просто грубая силовая возня, очень трудно. Критериями оценки служат степень добровольности, физические последствия и наличие жалобы. Не только школы и спортивные общества, но и сами жертвы и их родители стараются не разглашать позорную информацию.

Американский профессор Хэнк Ньюэр составляет список всех официально зарегистрированных случаев хейзинга начиная с XVII века (#mailto: hnuwer@hanknuwer.com). В 2000 г. международной статистикой были зафиксированы 861 случай хейзинга в итальянской армии, 15 смертей от дедовщины в российской армии и 46 ассоциирующихся с хейзингом инцидентов в студенческих «братствах» в колледжах США. Разумеется, эти случаи качественно несопоставимы, цифры отражают не столько реальное положение вещей, сколько качество социальной статистики и степень нетерпимости общества к подобным фактам.

Школьный, спортивный и университетский хейзинг часто выглядит и изображается игровым поведением, подлинные, а чаще выдуманные рассказы о нем занимают видное место в гомоэротическом фольклоре. Гораздо серьезнее обстоит дело в так называемых «тотальных учреждениях», к которым школы-интернаты можно отнести лишь с некоторой натяжкой.

Автор этого термина американский социолог Эрвинг Гофман определяет «тотальное учреждение» как «место проживания и работы, где большое число находящихся в одинаковом положении и оторванных на относительно долгое время от внешнего мира индивидов совместно ведут замкнутую жизнь, подчиненную жестким административным правилам» (Goffman, 1961. P. XIII). Идеальные примеры таких институтов – тюрьма и психиатрическая больница, а также, при некоторых условиях, армия. Изолированные от внешнего мира обитатели тотальных учреждений полностью зависят, с одной стороны, от администрации, а с другой – от собственной групповой иерархии и нормативной культуры. В тотальном учреждении, или «маленьком обществе», как его называет социолог Антон Олейник (Oleynik, 2004), разные сферы повседневной жизни не дифференцированы одна от другой, ролевые отношения персонифицированы, насилие контролируется слабо, правила поведения двойственны, а власть навязана свыше. Побочным продуктом всего этого и является, по мнению Олейника, дедовщина, позволяющая направить спонтанно возникающее в повседневной жизни на определенных жертв и тем самым разрядить и локализовать его.

Этот термин родился в Советской Армии для обозначения неуставных отношений между военнослужащими, основанных на неформальной иерархии солдат и сержантов срочной службы, в зависимости от пройденного ими срока службы (Банников, 2002). Наивысшим статусом обладают «деды», или «дембеля» – солдаты, служащие последние полгода. От слова «дед» и происходит название явления. Ниже по статусу стоят те, кто прослужил более полугодом, но еще не дослужился до «деда», а внизу иерархии находятся новобранцы, прослужившие менее полугодом. В мягких формах дедовщина не связана ни с угрозой жизни и здоровью, ни с серьезным унижением достоинства: новобранцы «просто» выполняют

хозяйственные работы за старослужащих и, время от времени, их бытовые поручения. В других случаях новобранцев вынуждают полностью обслуживать «дедов», выполняя в том числе заведомо унижительную работу (например, стирку белья), отбирают у них деньги, вещи и продукты питания. В предельных случаях дедовщина доходит до группового садизма, когда молодых солдат подвергают систематическим издевательствам и пыткам, жестоко избивают, нередко нанося тяжкие телесные повреждения, доводят до самоубийства и просто убивают.

– Возьми лом и подмети плац!

– Зачем лом, метлой же лучше мести!

– Мне не надо, чтобы ты подмел, надо, чтобы ты помучился.

(Из солдатского фольклора)

Хотя российская «дедовщина» подходит под формальное определение хейзинга, у нее есть свои макросоциальные особенности:

1. Служба в армии рассматривается как необходимая предпосылка превращения мальчика в мужчину, включая «воспитание чувств». Эта нормативная установка пронизывает практически все общественное, и тем более солдатское, сознание (Лурье, 2001).

«Не смей считать себя мужчиной, пока в строю не побывал...»

«Здесь мальчики становятся мужчинами под звучные команды старшины».

«Женщиной становятся за одну ночь, а мужчиной за полтора года. Так выпьем же за то, чтобы эти полтора года пролетели, как одна ночь».

2. В отличие от относительно благополучных западных стран, где хейзинг связан прежде всего с родовыми чертами закрытых мужских сообществ (иерархия и властные отношения, символизируемые и оформляемые как сексуальные), культура бедности выдвигает на первый план соображения материального порядка. Очень часто за дедовщиной скрываются вульгарная эксплуатация и вымогательство, осуществляемые как на групповом, так и на индивидуальном уровне, без каких бы то ни было ритуалов и сексуальных обертонов.

3. Широкое распространение дедовщины в армии тесно связано с глобальной криминализацией страны. Многие ритуалы и даже язык пришли в армию из тюрем и лагерей. Советский Союз был одним сплошным

ГУЛАГом, и соответствующая ментальность распространилась прежде всего на армию и карательные органы. Нравы и порядки некоторых воинских частей, и не только стройбатов, практически не отличаются от господствующих на зоне (Клейн, 2000).

4. Российское общество в целом и тем более ее военная и карательная системы всегда были закрытыми. Макросоциальная закрытость благоприятствует распространению насилия и неуставных, то есть не предусмотренных законом и даже противоречащих ему, отношений на всех уровнях социума. Насколько я помню, одним из первых публично разоблачил наличие неуставных отношений в советской армии А. Д. Сахаров, и чуть ли не все военные обвиняли его в клевете. Сегодня соответствующие факты предадут гласности исключительно правозащитники, прежде всего – организации солдатских матерей, за это власти обвиняют их во всех смертных грехах. Поэтому официальным цифрам о степени распространенности дедовщины верить нельзя.

5. Сохранению дедовщины способствует общая слабость гражданского общества и «притерпелость» к произволу, бесправию и жестокости. Злоупотребление властью – лишь побочное следствие «законных» привилегий дедов. В советское время военная служба считалась необходимым институтом и стадией мужской социализации, через нее проходило абсолютное большинство молодых мужчин. В казарме мальчик усваивал не только воинские навыки, но и правила двойной морали, привычку безоговорочно подчиняться любому начальству и т. д. Одним из средств такого воспитания и была дедовщина, поэтому власти не хотели от нее отказываться. 6. Хотя на микроуровне эта система властных отношений создается спонтанно (сильные поработают слабых), некоторые офицеры используют ее как в целях «социализации» новобранцев, так и для манипулирования всеми своими подчиненными. Закрывая глаза на дедовщину, они получают возможность использовать в дисциплинарных целях не только законные, но незаконные, неуставные средства. Еще более открыто это делается в пенитенциарных учреждениях. Не случайно дедовщина, в отличие от статусных различий новичков и старослужащих, существует не во всех воинских частях, а лишь там, где командиры беспомощны или коррумпированы.

7. Дедовщина существует потому, что ее принимают, считая нормальной, не только ее агенты, но и ее жертвы. Жертва дедовщины знает, что если на первом году службы уничтожается ее собственная личность, то в дальнейшем он сможет безнаказанно попирать личность другого. Для большинства молодых людей это служит достаточной психологической компенсацией. Более того, безропотно вытерпев унижения и пытки, ты доказываешь всем, и прежде всего самому себе, что ты не жалкий хлюпик, а настоящий мужчина.

8. Жертвы дедовщины молчат о перенесенных издевательствах по многим причинам. Во-первых, из страха физической расправы, мести сослуживцев и командования. Во-вторых, из нежелания оказаться в роли доносчика, нарушителя нормы групповой солидарности и верности. В-третьих, из боязни признаться в собственной слабости: если ты не выдержал пыток и унижений, значит, ты не настоящий мужчина. В-четвертых, из чувства стыда: в практике дедовщины содержатся элементы, разглашение которых наносит непоправимый ущерб сексуальному самолюбию молодого человека, ему легче умереть, чем допустить это. Кстати, когда во время челябинской трагедии раздавались настойчивые требования рассказать «все подробности» того, что старослужащие проделывали с Андреем Сычевым, в них слышалось не столько сочувствие, сколько сексуальное любопытство.

9. Дедовщина не воспитывает мужественность, а калечит молодых мужчин, причем не только и не столько физически, сколько психически, внушая ложные представления, которые передаются из поколения в поколение и позже проявляются не только в мужских взаимоотношениях, но и по отношению к женщинам, детям и собственному здоровью. Особенно велики психосексуальные издержки. Чтобы сексуально изувечить мужчину, совсем не обязательно отбить ему половые органы.

Буллинг и хейзинг рассматриваются в цивилизованном мире как серьезная социально-педагогическая проблема. В странах Евросоюза не раз проводились совещания на уровне министров образования и выработывались законодательные меры по профилактике буллинга. Ему посвящено несколько больших национальных и международных серверов, таких как Bullying, org, Bullying Online, Stop bullying, Bullying net, www.bullying, com.uk и др. Канадская инициатива по предотвращению буллинга (www.bullying.org) не только дает систематические консультации по профилактике буллинга и оказывает помощь его жертвам, но ежегодно в ноябре проводит Неделю информации о буллинге – Bullying awareness week. Много занимаются этой проблемой и ученые – психологи, социологи, педагоги и криминалисты. Явление изучают всерьез, с разных сторон, на многотысячных выборах.

Речь идет не о полном преодолении буллинга – это невозможно, насилие и угрозы – неотъемлемая часть нашего мира, в каком-то смысле это один из аспектов маскулинности и социализации мальчиков, – а лишь о профилактике его наиболее опасных последствий. Хотя общепринятой мировой стратегии в этом деле нет, есть определенные положительные результаты. Самая эффективная антибуллинговая программа была инициирована психологом Даном Ольвеусом в Бергене 20 лет назад, с 2001 г. в Норвегии ей придан статус приоритетной общенациональной программы. Судя по результатам многолетнего мониторинга, программа Ольвеуса существенно, на 30–50 %, снижает число учащихся, подвергавшихся травле или подвергавших ей других детей, причем самооценки подтверждаются

оценками соучеников и экспертов. Одновременно снижаются также показатели по антисоциальному поведению, включая вандализм, воровство, пьянство и прогуливание уроков, улучшается социальный климат школьного класса, складываются более положительные социальные взаимоотношения между школьниками, а также улучшается их отношение к школьным занятиям и к школьной жизни в целом.

Норвегия – одна из самых благополучных и «спокойных» европейских стран, но частичное применение программы Ольвеуса в Англии и США дало и там положительные, хотя и меньшие результаты (Olweus, 2001). Анкеты и методы работы Ольвеуса широко представлены в Интернете, и, судя по моему опыту, он охотно высылает запрашиваемые тексты и материалы. Много полезного есть и в опыте других стран. Например, в Канаде разработаны методы ранней психодиагностики детской агрессивности, позволяющие предвидеть и отчасти корректировать будущее поведение потенциально проблемного ребенка. К сожалению, этот опыт плохо известен в России. Первые отечественные попытки теоретического осмысления дедовщины с точки зрения антропологии (Банников, 2002) и социальной философии (Королев, 2003) начались в первые годы нынешнего века. Интересный практический опыт диагностики и профилактики буллинга в детской среде имеет Петербургский региональный центр социальной помощи семьям и детям «Семья», выпустивший по этому предмету учебное пособие (Бердышев, Нечаева, 2005). Однако массовая пресса широко заговорила о дедовщине, а затем и о буллинге лишь после трагедии Андрея Сычева. Если не ошибаюсь, первое упоминание буллинга появилось в газете «1 сентября», а более подробная характеристика феномена дана в моей статье «Что такое буллинг и как с ним бороться?» (Кон, 2006), нашедшей широкий отклик в Интернете. Затем появилась статья В. И. Вишневской и М. Л. Бутовской, основанная на неструктурированных интервью 100 студентов нескольких московских вузов, которым предложили рассказать о своем школьном опыте (Вишневская, Бутовская, 2008).

Хотя в нашей криминализованной стране эти проблемы стоят еще острее, чем на Западе, о них вспоминают только в связи с очередными скандалами и не ради того, чтобы понять сущность явления, а лишь для того, чтобы найти «конкретного виновника», а точнее – назначить на эту роль очередного козла отпущения. На мой взгляд, за этим стоит не столько социальная неустроенность России, сколько всеобщая рабская «притерпелость» к произволу и насилию. Мы не привыкли уважать ни свое, ни чужое человеческое достоинство. Ребенок для нас не самоценный субъект, а частица чего-то безличного, что в советское время называли «человеческим фактором», а теперь именуют «демографической проблемой». Если детей нужно рожать ради того, чтобы не ослабла мощь государства и его природные богатства не достались другим народам (именно эти аргументы педалирует официальная пропаганда), кому какое дело до буллинга? Это

всего лишь нормальный способ воспитать в ребенке умение постоять за себя. Не важно, кто его бьет, лишь бы он научился давать сдачи, а еще лучше – бить первым. На философии «добро должно быть с кулаками» гуманное общество не построишь. И с христианством она ничего общего не имеет.